

© 2011 г.

М. Б. Аксененко

В.И. МОДЕСТОВ И «ШКОЛЬНЫЙ ВОПРОС». МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Статья посвящена общественно-публицистической деятельности русского ученого-этрусколога Василия Ивановича Модестова (1839–1907). Его публичные выступления в дискуссии по поводу реформы классического образования в России встретили понимание и поддержку некоторых его коллег – университетских профессоров-классиков и резкое неприятие официальных властей. Убеждение в пагубности для классического образования проводимой педагогической политики привело Модестова к решению покинуть Россию и обосноваться в Риме, всецело посвятив себя исследовательской работе.

Ключевые слова: классическое образование, антиковедение, Россия. И.В. Цветаев, В.И. Модестов.

Научная биография профессора-антиковеда В.И. Модестова (1839–1907) в общих чертах известна. В сравнительно недавно вышедшей книге Э.Д. Фролова «Русская наука об античности. Историографические очерки» его научной деятельности отведен небольшой раздел и приводится перечень публикаций об ученом¹. К нему хотелось бы добавить единственный прижизненный очерк, помещенный к 40-летию учено-литературной деятельности Модестова профессором И.В. Цветаевым, его коллегой и другом, в журнале «Филологическое обозрение» за 1899 г.,² а также несколько прекрасных страниц во введении к сборнику материалов «Этруски и Средиземноморье» (1994 г.), которые посвятил памяти ученого Е.В. Мавлеев. Бегло обрисовав жизненный путь Модестова, он назвал его «создателем этрускологии» и особо отметил вклад в эту науку, подчеркнув, что «по-прежнему интерес представляет его исследовательский метод»³. Из писем мы знаем, что личность Модестова произвела глубокое впечатление на И.В. Цветаева⁴ и И.М. Гревса⁵ в их студен-

Аксененко Маргарита Борисовна – заведующая Отделом рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва.

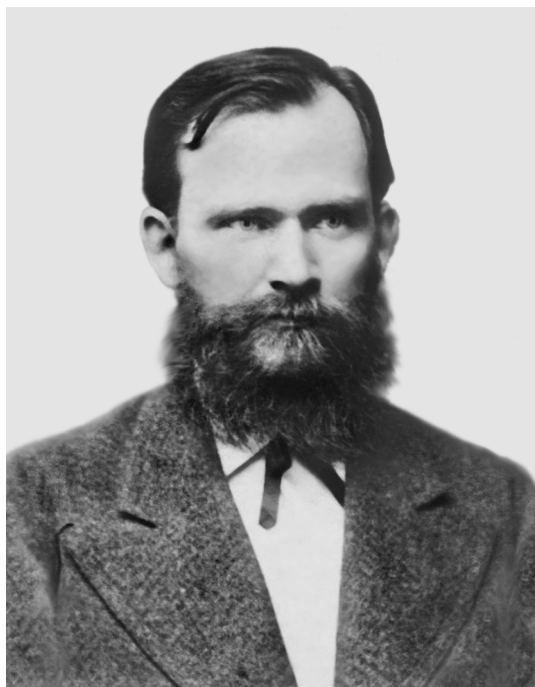
¹ Фролов 2006, 243–244.

² Цветаев 1899.

³ Мавлеев 1994, 7.

⁴ Их знакомство началось заочно: в 1873 г. Цветаев послал Модестову свою первую книгу «Краткое обозрение “Германии” Тацита», защищенную в качестве магистерской диссертации. Подробнее см. Аксененко 1998.

⁵ Из письма И.М. Гревса Н.Д. Бекарюковой от 29 октября/10 ноября 1879 г. из Петербурга: «Лекции посещаю не совсем аккуратно, потому что есть такие, которые нет сил человеческих слушать, несмотря на самое искреннее желание. <...> Я мечтаю о Московском университете, филологическом факультете. Там читает такой благородный, живой, светлый преподаватель, как Модестов» (Вахромеева 2004, 124). Гревс ошибался: Модестов жил в это время в Петербурге и никогда не преподавал в Московском университете. Гревс мог быть на его лекциях в университете или до своего туда поступления, так как Модестов преподавал там в качестве приват-доцента с 1878 г., или в первом полугодии 1879 г.

В.И. Модестов. 1874 г. Фотография с автографом И.В. Цветаева. НИОР РГБ. Публикуется впервые.

ческие годы. Однако тема, которой мы здесь коснемся, связана с другой, менее известной стороной деятельности ученого. Для лучшего ее освещения будут привлечены не публиковавшиеся ранее письма В.И. Модестова и И.В. Цветаева, хранящиеся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, а также выдержки из статей самого Модестова и некоторые другие малоизвестные материалы.

В 1880 г. в печати появилась книга под названием: «Школьный вопрос. Пятнадцать статей В.И. Модестова». Она включала вышедшие годом раньше отдельным изданием «Пять статей к редактору “Голоса”» и статьи по проблемам классического образования в России и Франции, также опубликованные ранее в периодической печати. Сборник отличался резким полемическим тоном и был направлен на критику последствий реформы среднего образования, разработанной при участии П.М. Леонтьева и М.Н. Каткова и проводимой министром народного просвещения графом Д.А. Толстым с 1871 г.⁶ Выпуск этой книги явился поступком гражданского

мужества профессора, решившегося публично настаивать на своей позиции и первым открыто не согласиться с правительственным курсом, – и это несмотря на то, что в конце 1879 г. к Модестову были применены суровые административные меры. «Я подал в отставку вчера вечером. Граф Толстой сделал предписание о том, что я должен подать в отставку немедленно, если не хочу быть уволенным без прошения по известному страшному 3-му пункту⁷. Я хотел было заупрямиться, но умные люди посоветовали мне воспользоваться правом подачи прошения. Итак, “школьный вопрос” принес свои плоды. У меня на двадцатом году службы отняли без церемоний кафедру⁸ за то, что я решился сказать свое слово по вопросу, в котором я считаю себя компетентным. Да будет воля Божия! <...> Мрачно смотрят дела в России в настоящее время», – писал Модестов Цветаеву 9 декабря 1879 г.⁹ (Цветаев, сам преподававший в то время римскую словесность в Московском университете, во многом разделял и поддерживал взгляды своего ученого коллеги, что будет видно из дальнейшего).

⁶ В 1871 г. был утвержден новый устав для гимназий.

⁷ Имелась в виду ст. 789, пункт III «О прекращении производства содержания»: «...Но те чиновники, кои по усмотрению начальства будут просто уволены от службы, без означения причин сего увольнения, на такое распоряжение не могут жаловаться и все их жалобы, а также просьбы о возвращении к прежним должностям или предании суду, не только должны быть оставляемы безо всякого действия и движения, но ни в Правительствующем Сенате, ни в Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых, не должны быть вовсе принимаемы к рассмотрению» (Свод законов Российской империи. Т. 3. Свод законов о службе гражданской. Кн. 1. Устав о службе по определению от правительства. Раздел третий. Глава вторая. Отделение второе).

⁸ С 1877 г. В.И. Модестов служил ординарным профессором в Петербургской Духовной академии на кафедре римской словесности.

⁹ НИОР РГБ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 125. Письмо от 9 декабря 1879 г.

Публицистикой Модестов начал активно заниматься после переезда из Киева в Петербург в 1877 г., выступая во многих журналах и газетах с литературно-критическими статьями в связи с выходом новых исторических сочинений или их переводов; писал по вопросам истории, философии; касался даже внутренней и внешней политики России. Эта работа так захватила ученого, что в одной из статей он высказал предположение о том, что «скоро наступит время, когда не будет положения почтеннее роли публициста»¹⁰. Подчеркивая заслуги Модестова-журналиста, Цветаев писал позднее в посвященной ему статье: «Историк отечественной журналистики 70-х–80-х годов должен будет посвятить подобающее внимание обозрению и оценке этой замечательной деятельности, рассеянной в огромном количестве статей по широкому полю журналов и газет»¹¹.

Внезапно лишившись профессорской кафедры, Модестов задумал издавать собственную газету, но здесь его постигла неудача. 3 декабря 1880 г. он писал Цветаеву: «Газета моя лопнула! Меня надул один мошенник самым злодейским образом, надул как раз в ту минуту, когда, по-видимому, все было кончено и оставалось только печатать объявления (о выходе газеты. – М.А.). Итак, я теперь без денег, без газеты, без места! Остается одно: умирать, как мне еще прошлой зимой советовал один умирающий знакомый»¹². Однако мысль о газете профессор не оставил. Мы знаем, в частности, что разрешение на издание было получено им 16 лет спустя. (Это случилось осенью 1896 г., но... с условием отложить выход газеты до осени 1897 г.; затем последовала отсрочка еще на год...)

Чтобы понять историю конфликта Модестова с властями, требуется хотя бы кратко сказать о сути проводившейся с 1870-х годов реформы. По толстовскому плану реорганизации среднего образования предусматривались классические гимназии, которым отводилась исключительная роль – готовить юношей к поступлению в университет. Напомним, что обучение на любом факультете университета в те годы подразумевало солидную подготовку по двум древним языкам: греческому и особенно латыни. Поэтому в гимназическую программу вводилось, за счет сокращения или вытеснения некоторых предметов, изучение древнегреческого, а латынь, бывшая в программах и ранее, получала значительное увеличение в часах. Древним языкам, наряду с математикой, отводилось центральное место в системе гимназического курса – считалось, что именно эти предметы наилучшим образом тренируют логическое мышление. Программы бывших реальных гимназий, превращенных в реальные училища, больше ориентированные на практическую подготовку учащихся по техническим специальностям для нужд промышленности, были от изучения этих языков освобождены. Тем самым намеренно сужался круг претендентов на получение в будущем университетского диплома, дававшего право разночинцам на потомственное дворянство и

И.В. Цветаев. 1903–1905. ОР ГМИИ

¹⁰ Эти строки из статьи Модестова Цветаев цитирует в письме к нему от 13 февраля 1881 г. (НИОР РГБ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 186об.).

¹¹ Цветаев 1899, 89.

¹² НИОР РГБ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 133.

на поступление на государственную службу. Резкое разделение статусов и качества двух типов среднего и высшего профессионального образования было искусственным и шло вразрез с требованиями времени.

У российской реформы, которую принято именовать контрреформой по отношению к либеральным реформам 1860-х годов, была политическая подоплека. В предыдущий период, современный французской революции 1848 г., латынь была почти исключена из программ русских гимназий из-за боязни знакомства учеников с литературой республиканского Рима. Толстовская реформа, как будто бы совершенствуя классическое образование, одновременно ставила своей задачей как можно больше загрузить гимназистов изучением грамматики древних языков. «Чтение древних авторов, со времени введения в наши школы неограниченного господства классической системы, действительно получило грамматический характер. Образцовые писатели читаются теперь в наших гимназиях не для того, чтоб ввести юношей в знакомство с высшими умами древнего мира, с неподражаемыми мастерами сильной и изящной речи, а как бы для того, чтоб поверять на них знание синтаксических правил, усвоенных учениками». Между тем «...пребывание в продолжении семи или восьми лет в постоянном соприкосновении с строгими умами и их образцовыми по логической стройности и литературному изяществу произведениями не может не отозваться на юноше самыми благотворными последствиями для его развития, столько же через обогащение его ума мыслями и знаниями, сколько и через действие на его ум и воображение строгостью логических приемов и изяществом внешней формы. В этом заключается высший интерес литературного образования при помощи древних авторов, в этом главный смысл и оправдание классического образования», – писал Модестов в одной из статей 1879 г.¹³

Мысль эта совсем не была новой, однако она плохо согласовывалась с планами министерства народного просвещения, да и невозможно было, за неимением достаточного количества педагогов-классиков, добиться того уровня преподавания, о котором говорил Модестов. Талантливый переводчик и педагог, он утверждал: «Чтоб ясно, понятно и хорошо передать на новый язык мысль древнего автора, недостаточно знать с грехом пополам по-латыни и по-гречески: для этого нужно владеть новым языком мастерски, для этого недостаточно одного его книжного, даже и хорошего знания, а надобно иметь чутье языка, надобно быть знакомым с разными его оттенками, надобно обладать не только запасом слов книжных, но и таких, которые вызываются воспоминаниями детства, хранятся в деревенской глуши и делаются многим известными только через посредство нянек и кормилиц. Даже и при таких средствах точная и удачная передача древних текстов на свой язык делается подчас очень трудною, по несходству новой культуры с древнею, по невозможности подыскать прямо соответствующее выражение». И далее: «Моя профессорская практика постоянно подтверждала, что мне приходилось иметь дело на филологическом факультете с людьми, которые, получивши в гимназии *аттестат зрелости*, не только не имели понятия о духе древних классических писателей, но и не были в состоянии переводить их со смыслом и даже, как мною было замечено в одной из прежних статей, совсем не интересовались содержанием переводимого. Это – уже не зрелость, а просто притупление умственных способностей, умственное и нравственное убожество! {...} Мое глубочайшее убеждение было, есть и будет, что вышедшая из средних веков и освященная эпохой Возрождения западноевропейская школа к нам не применима во всей целостности, что корни нашего образования другие и что с особенностями нашего народного духа и истории необходимо считаться»¹⁴.

Слова эти станут понятнее, если вспомнить, что реформирование школьной системы вскоре повлекло за собой массовое приглашение в русские гимназии иностранных, в основном немецких педагогов, которых Д.А. Толстой считал наиболее профессионально пригодными для исполнения своего плана. Их наскоро обучали русскому языку в специально

¹³ См. Модестов 1880, 35–36, 37.

¹⁴ Модестов 1880, 45, 190, 192.

созданной в 1873 г. в Лейпциге на российские деньги русской семинарии¹⁵. (Русских учителей готовили историко-филологические институты в Петербурге и Нежине.) Преподавание в гимназиях велось по переведенным с немецкого же учебникам. При разработке проекта реформы для русских учащихся за образец бралась прусская гимназия, хотя сама она в то время стояла на пороге как раз противоположных преобразований: стирания границы между «реалистами» и «классиками».

Последствия нововведений не замедлили сказаться, и вряд ли сами реформаторы предвидели их. В феврале 1881 г. Цветаев писал Модестову в связи со студенческими беспорядками: «Вопрос о наших студентах таков, что и Эдип не разберет его: откуда это озлобление только что вступивших в университет, откуда это неуважение к университету, закону, откуда отрицание всяких *обязанностей* и т.п.? В своем “Школьном вопросе” Вы касаетесь не раз этого предмета, сваливая вину на толстовский классицизм, на гимназию. Мысль в существе дела верная, но этим не исчерпывается другой вопрос: как же преобразовать школу, когда она кишит людьми бездарными, своекорыстными, чуждыми любви к детям, поступающим к ним? Куда деваться с этой ордой чехов, немцев – с одной стороны, и где взять других вместо них – с другой? Где источник улучшения морального нашего юношества?»¹⁶ А вот отрывок из его же письма, написанного 17 лет спустя, 25 сентября 1898 г.: «Приехавши сюда, узнал, что в Моск[овском] ун[иверсите]те на 4 курсе нет совсем *классич[еского]* отделения, как не было его на 3 курсе в прошлом году. Вот до чего доводят занятия “*практич[ескими]* упражнениями в лат[инском] и греч[еском] стиле” на 1 и 2 курсе: намаявшись с *extemporalia*¹⁷ в гимназиях, студенты получают отвращение к классич[еским] языкам и бегут от них при первой возможности. Дошел до этого и Моск[овский] ун[иверситет]; это в 1-й раз и очень знаменательно для характеристики и гимназий, и филол[огического] фак[ультета]. Других новостей, получше, – нет”¹⁸.

Нерешенный «школьный вопрос» пагубно отзывался на будущем русской гуманитарной науки. Непродуманность реформы и вред, ею причиненный, были давно ясны, и в обществе все настойчивее шли разговоры о необходимости изменения старого порядка для приближения среднего и высшего образования в России к современным требованиям. Осенью 1899 г. попечителем Московского учебного округа П.А. Некрасовым созываются совещания для обсуждения новой реформы классических гимназий, и Цветаев пишет «Записку о введении латинского языка в реальные училища и о допущении учеников сих училищ в университеты»¹⁹. Готовясь к участию в совещаниях, он писал в частном письме

¹⁵ Хорошо иллюстрирует положение в гимназиях отрывок из воспоминаний В.И. Вернадского, обучавшегося в 1873–1875 гг. в одесской гимназии, а затем, в 1876–1881 гг. – в петербургской: «Главным несчастьем являлся мертвый дух преподавания, огромное количество времени, которое тратилось на древние языки, преподававшиеся исключительно плохо. Трудно помянуть это преподавание чем-нибудь хорошим, хотя среди учителей классических мертвых языков в нашей гимназии были лично порядочные люди, м.б. даже имевшие познания в древних языках, но эти познания они не могли передавать нам, т.к. не умели говорить по-русски, не отличались умом и строго держались официальных рамок программы, искажившей прекрасный великий мир Эллады, ее науку, литературу, искусство, разрушившей те стороны истории Рима, которые до сих пор жили в нашей жизни. Гимназическое преподавание эпохи Толстого было классическим лишь по названию. Главным несчастьем было то, что в общем преподавании древних языков в то время в России были или, как у нас, чужие люди, сторонние русской жизни и интересов нашей страны и потому бессознательно добросовестно исполнявшие антинациональную программу, или чиновники-полицейские, которым никакого дела не было до идейных заданий школы, более или менее добросовестно исполнявшие предписания такого же, как и они, начальства. Несомненно, других исполнителей этой полицейской классической системы Толстого и нельзя было найти» (Вернадский 1981, 24–25, отрывок «Из прошлого», февраль 1916 г.).

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 185об. Письмо от 13 февраля 1881 г.

¹⁷ Классное письменное упражнение, состоявшее в переводе с родного языка на иностранный без предварительной подготовки.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 332об.

¹⁹ Записка заслуженного ординарного профессора И.В. Цветаева – о введении латинского языка в реальные училища и о допущении учеников сих училищ в университеты – на имя г. Попечителя Московского Учебного Округа (К протоколу заседания 29 сентября 1899 г.). Приложение к Циркуляру по Московскому учебному округу.

одному из своих коллег в декабре 1898 г.: «Вы, конечно, получили от Попечителя учеб[но-го] округа предложение высказаться по поводу записки предводителей дворянства Московской губернии о постановке нашей средней школы. (...) Благо случай представился, давайте выскажем все искренно, что лежит давно на сердце: что мертвенное преподавание мертвых языков у нас, в силу особых условий наших школ, не принесло тех блистательных плодов, каких ожидали от классицизма при его насаждении в начале 70-х годов, этого не видит разве слепой или намеренно закрывающий на то глаза. Мертвая и, за редчайшими исключениями, неумная работа наших классиков-учителей привела к общему озлоблению и юношества, и родителей. Гимназия, как просветительское учреждение, несомненно пала за эту четверть века в глазах всего общества: это знаменательный факт, с которым приходится считать ся нынешним руководителям народ[ного] просвещения.

Недовольство гимназией разделяется между родителями всех категорий и всяческого развития: тут в одинаковой степени сходятся и профессора, и люди практической деятельности, и мелкий бедный чиновник управы захолустного городишка. И это глубокое чувство, охватывающее и наши земства, и наше дворянство, считает уже десятки лет своего существования, в течение которых прежние гимназисты стали уже отцами. Только слепой фанатик классицизма, да разве тот, кому он принес большие материальные и всякие другие выгоды, станет отрицать и этот факт общего недовольства, и отсутствие к тому законных причин в строе наших гимназий. (...) Хороший случай дать ответ, какой требуют и наболевшее сердце, и чувство справедливости, и просто здравый смысл. И ответы профессоров, на глазах которых прошла четверть века мучений гимназической школы, не останутся ныне гласом вопиющего в пустыне»²⁰. Тем не менее решительных шагов правительством сделано не было. Гимназический классицизм лишь постепенно смягчался под напором общественного мнения, пока не был отменен вместе со всей системой гуманитарного образования, важнейшей частью которой являлся, в связи с известными событиями октября 1917 г.²¹

Модестов, однако, в этой полемике уже не участвовал, хотя в переписке с Цветаевым тема продолжала обсуждаться. Его вынужденная отставка продолжалась около 9 лет. В 1888 г. Модестов снова – приват-доцент (внештатный преподаватель) Петербургского университета; в 1889 г. новый министр народного просвещения граф И.Д. Делянов вернул ученому его профессорское звание, а с ним и право на занятие кафедры. 25-летие своей академической службы Модестов заканчивал в Новороссийском университете в Одессе на той же кафедре римской словесности, где в 1865 г. начинал ее.

Последним всплеском его общественной деятельности была попытка организовать в Риме по образцу немецкого и французского столь необходимый для успешного развития отечественного антиковедения Русский археологический институт. Свое предложение Модестов вынес на VIII Археологический съезд, проходивший в Москве в 1890 г.,²² и этим не ограничился. Чтобы привлечь внимание к проблеме, в двух номерах Журнала Министерства народного просвещения за 1892 год он поместил большую статью «Ученая жизнь в Риме»²³, но поддержки своей инициативе в официальных кругах так и не встретил. «Я к тому же думаю, – писал ему Цветаев еще и спустя восемь лет, 27 декабря 1900 г., – что у настоящего Министерства нашего *нет еще* ясного представления о необходимости учредить Археологический институт. (...) И нет у нас этого потому, что для этого у него время не пришло. (...) Необходимо убеждать в существенной важности такого учреждения в Риме для педагогических целей, для образования наших учителей. Этим Вы их мало-помалу возьмете, если станете неустанно писать и писать об этом»²⁴.

²⁰ Из письма И.В. Цветаева В.Ф. Миллеру от 4 декабря 1898 г. (РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 437. Л. 17–18об.).

²¹ Иная оценка толстовской реформы дана в кн.: Измestьева 2003.

²² Модестов 1897.

²³ Модестов 1892. На выход статьи Цветаев откликнулся письмом от 23 декабря 1893 г. Фрагмент опубл.: Аксененко 1998, 112. Подробнее об организации Русского археологического института в Риме см. Басаргина 2008.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 363об.–364об.

К этому времени Модестов уже покинул Россию. Оставив в 1893 г. преподавание, он посвятил себя исследовательской работе, а с конца 1898 г. надолго поселился в Италии. Впереди было знакомство с многочисленными новыми данными археологии, позволившими Модестову с помощью выработанного им метода воссоздать историю древней Италии в своем знаменитом двухтомном труде «Введение в римскую историю» (1902, 1904), который принес ему известность среди зарубежных ученых, но был подвергнут обструкции некоторыми русскими его коллегами, особенно чуткими к настроениям официальных кругов. Но это уже другая тема.

В 1903 г. Цветаев, пытаясь ободрить друга, писал: «Надо держаться крепко за рало и продолжать вспахивать терпеливо и мужественно избранную Вами полосу целины. Не при Вас, так после Вас будет же сказано беспристрастное, искреннее, почтительное Вам слово – и высокий научный подвиг не останется в истории нашей без признания. Следующие поколения будут справедливее современников; истинная оценка выдающихся деятелей и дел принадлежит беспристрастному и спокойному потомству. Продолжайте Ваш труд – в этом Вы найдете и отраду и успокоение»²⁵.

Литература

Аксененко М.Б. 1998: И.В. Цветаев и В.И. Модестов (По материалам переписки двух ученых) // «...Все в груди слилось и спелось». Пятая Цветаевская международная научно-тематическая конференция (9–11 октября 1997 года). Сб. докл. М., 108–120.

Басаргина Е.Ю. 2008: Проекты создания русских археологических институтов за рубежом // ВДИ. 4, 205–213.

Вахромеева О.Б. (сост.) 2004: Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). СПб.

Вернадский В.И. 1981: Страницы автобиографии В.И. Вернадского / Сост. Н.В. Филиппова. М.

Измestyева Г.П. 2003: Классическое образование в России XIX века. М.

Мавлеев Е.В. 1994: Этрурия и Россия // Этруски и Средиземноморье. Язык. Археология. Искусство. Материалы международного colloquium, 9–11 апреля 1990 г. (Москва). XXIII Випперовские чтения. М., 5–14.

Модестов В.И. 1880: Школьный вопрос. Пятнадцать статей В.И. Модестова. СПб.

Модестов В.И. 1892: Ученая жизнь в Риме // ЖМНП. Март, 84–120; Апрель, 336–369.

Модестов В.И. 1897: Об открытии Русского археологического института в Риме с отделением в Афинах // Труды VIII Археологического съезда в Москве. 1890 г. Т. III. М., 303–306.

Фролов Э.Д. 2006: Русская наука об античности. Историографические очерки. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.

Цветаев И.В. 1899: Профессор Василий Иванович Модестов (По поводу сорокалетия его учено-литературной деятельности) // Филологическое обозрение. Т. XVI. Отд. I, 79–98.

V. I. MODESTOV AND THE «SCHOOL QUESTION». MATERIALS FOR A BIOGRAPHY

M.B. Aksenenko

Vasili Ivanovich Modestov (1839–1907), well-known as Latin scholar, etruscologist and the author of the capital «Introduction to the Roman History» (1902–1904) is less known for his opinion journalism. For his bold and competent criticism of the college reform (launched by D.A. Tolstoy in the early 1870s) he was removed from his chair for nine years. Convinced that the chosen educational policy would be perilous for the classical education, Modestov left Russia and settled in Rome, devoting himself completely to scholarly research. The author cites a number of unpublished letters by V.I. Modestov and I.V. Tsvetaev from the Manuscript Collection of the Russian State Library, Modestov's articles and some other rarely cited sources.

²⁵ НИОР РГБ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 405об.–406. Письмо от 3 августа 1903 г.